

ВЯЧЕСЛАВ ЛЮТЫЙ

МЕДЛЕННЫЕ ПТИЦЫ

(Бытийный круг в поэзии Николая Алешкова)

*...Я по Каме впадаю в Волгу
И взлетаю на Млечный Путь.*

*Зачерпнув из реки небесной
Благодати, увижу вдруг
Правый берег, покрытый лесом,
Левый берег — цветущий луг.*

Николай АЛЕШКОВ

*...Узкая-узкая, дальняя-дальняя
В поле дорога мерещится мне.*

Дмитрий КЕДРИН

В последние десятилетия в русской литературе утвердился мотив возвращения. Как никогда прежде, он силен и особенно отчётлив в сегодняшней поэзии.

Поэзия обладает исключительной возможностью преодолевать границы реальности, не говоря уже о линиях, которыми расчерчено наше пространство и время. И здесь уже возвращение выглядит как акт волевой и метафизический, которому воспрепятствовать житейскими, видимыми действиями практически невозможно. Именно потому русская жизнь, напитываясь духовными энергиями поэзии, во многом сохраняет себя под давлением западного образа жизни, устроенного с сатанинским лукавством и жестокостью.

Интуиция народа бывает подавлена искушениями и заблуждениями, в реальности — иной раз самого кровавого толка. Однако с течением лет эти глубоко спрятанные мысль и чувство набирают силу и заявляют о себе вновь. И потому русская поэзия, не споря с Православной Верой, является хранильницей и проводником народной души — идеального образа русского человека, способного освободиться от всего низкого и поклониться изначально высокому и светлому.

Стихи Николая Алешкова в этой связи могут показаться совсем не сосредоточенным совокупным лирическим высказыванием. И здесь — их тайна, когда за пустяком высвечиваются важнейшие вещи, а за лёгкими словами — смысл, охватывающий жизнь и судьбу.

У Алешкова поэтическая речь проста, порой обыденна, в ней нет литературной изощрённости (“я простой и понятный”). Его пейзажные, элегические стихи очень естественны, а природа, как правило, олицетворена. У неё есть характер и повадка, словно у знакомого или прохожего. Это позволяет автору снять дистанцию как между читателем и поэтом, так и между человеком и миром (“Август <...> чуть прошёлся по листе // и с особою охотой — по просёлочной траве”; “как невесты, стали чинно // с жемчугами да с фатой // и берёзы, и осины // вдоль дороженьки пустой”).

Обыкновение, повадка его героя, — скорее, сельские, чем городские. И тут особенный срез сознания: селянин, живущий в городе, но тоскующий по деревне (“деревенским поэтом по Отчизне иду”).

Он — *земляной* человек, не *асфальтовый*, и ценит прикосновение порою даже больше созерцания — именно так он входит в природное перетекание света и темноты, предметов и тел. Физика любви почти магнетического притягивает его, но и то, что осталось только порывом в отсутствии телесного соприкосновения, очень значимо: “...необъяснимая словами // жар-птицей нежность промелькнёт. // Прекрасно всё, что ни случится!”

Алешков — один из самых *предметных* поэтов, приверженных русской лирической традиции. Картины жизни человека и природы у него удивительно точны в изобразительном отношении. Прочитав стихотворение, будто через увеличительное стекло видишь описанное. Причём его строки вмещают в себя и переживание, и затаённую мысль: “Отзовётся детство гулко: // с лёгкой удочкой в руке // по широкому проулку // босиком бегу к реке”.

В его сюжетах много житейского, ему нравится *укладывать* в стихи ту или иную реальную историю (“достану молча книжку записную // и что-нибудь о жизни расскажу”). Делает он это с завидной лёгкостью, очень точно пропуская мизансцены и вскользь роняя характеристику происходящего: изображая, осознавая и, одновременно, *ведя* читателя.

Способность соединять земное и небесное подразумевает сосредоточенность души и одновременно — её открытость Божьему миру. Поэтому важно отметить неизменные ориентиры, замыкающие пространство, в котором движется поэт, — реальное, смысловое, ценностное: “Свет небесный, хлеб насущный, // твердь земли моей родной”.

В свою очередь, каждое из понятий, перечисленных в авторской строке, оказывается своего рода входным наименованием целого спектра сюжетов, вполне человеческих и конкретных. Коллизии здесь перетекают на соседнее художественное поле: житейское перекликается с духовным, а родное — с повседневным и надмирным. Потому и “хлеб насущный” для поэта связан с “заветным зерном”, которое он роняет “на ниву русской речи”, со стихами о природе, с любовной лирикой и всем, что сопровождает его в пути по тернистым земным тропам. А развёрнутый образ Родины, сердечный и насыщенный реальными деталями, обладает метафизическим отражением в “небесных” пределах. Это не только Святая Русь, но и подвиги подвижников и героев, русский стоицизм и способность к возрождению наперекор тяжести прежних поражений.

Родная сторона у Алешкова — и географическое место, и часть жизни. Не однажды он замечает в своих стихах, что его родина — детство (“и забыть нельзя, что есть истоки — // чистые из детства родники”). Собственно, так могут сказать многие — для поэзии подобное утверждение не является открытием. Но когда оно воссоздаётся при помощи поэтического образа, органично наполненного оттенками лиц и характеров, подробностями радостей и бед, чертами действительности, которые сжимают объём до границ детского царства, — всякий раз в словах поэта возникает маленькое чудо.

*Вот по лугам вечерним кони
бредут чуть слышно. И верхом,
небрежно повод сжав в ладони,
я восседаю на Лихом.*

<...>

*Озёра плаваются в закате.
И запах трав, и вкус ухи!
Растут из этой благодати
мои негромкие стихи.*

*И если пристальной взглянется
в судьбу свою и жизнь свою,
я б навсегда остался в детстве,
как ангел в сказочном раю.*

Для поэта детство оказывается не священным — в такой характеристике очевиден сухой ум, — но “райским”, невинным, свободным, светлым, доверчивым. Он мог бы привести в стихах свидетельства тягот и горечи, поскольку рождён в год Победы, а послевоенное десятилетие требует от художника суровых красок и жёстких линий. Но Алешков оберегает детскую радость и упо-

ение жизнью от поздних рациональных суждений зрелого человека. И такое отношение — одна из самых твёрдых опор его творческого сознания: “Боже, как же нас в детстве любили! Нам бы, Господи, так же любить”.

*А на лужайке Настенька и Ванечка
веселым смехом радуют гостей
и белый пух сдувают с одуванчиков,
и он летит над памятью моей!*

В этой солнечной картине светятся блики счастья — как детского, так и взрослого. Заметим: когда хранит русский человек интуитивное ощущение собственной причастности к роду, тогда и возникает в его душе подобное “райское” эхо...

Умудрённость души и её широта — отличительные черты облика лирического героя Николая Алешкова. Все умозаключения, “хорошие советы” и предостережения автор испытал на себе, и это сказывается в искренности поэтической интонации (“ты сам выбираешь — в добре или зле возрастать”). В его стихах не найти амбивалентного отношения к жизни и человеку — здесь поэт открыт, определён. В его голосе слышна сокрушённость, когда он упоминает о своём жизненном пути, который переоценивает и переосмысливает. Бережно берёт всё светлое, живое, порывистое, страстное — и судит свои метания, здесь сюжеты стихотворений достаточно красноречивы.

Между тем, исповедальные строки Алешкова о родном крае становятся свидетельством не только его лирической биографии, но и самой личности.

*Правый берег, поросший лесом,
левый берег — цветущий луг.
Здесь крестьянским ржаным замесом
был я втянут в житейский круг.*

*От истока реки до устья
рыба плещется под волной.
Если вдуматься, каждый кустик
мне с рождения здесь родной.*

*Здесь отец мой всю жизнь трудился.
Здесь мой дом и моя родня.
“Где родился, там пригодился”, —
эта присказка про меня.*

Кама — река, на которой прошло детство автора. Словно в духовном видении, он соединяет её течение с жизнью и космосом: “Я по Каме впадаю в Волгу и взлетаю на Млечный Путь”. Его герой, вкусив благодати из “реки небесной”, внезапно видит родные берега — всё земное, что бесконечно дорого его сердцу. И происходит метафизический цикл слияния земли с небом и неба с землёй. Одновременно возникает согретое воспоминаниями, странное прикосновение “давней” души героя, ещё не повреждённой беспощадными поздними искушениями, к его “изношенной судьбе”.

Очень большое место в поэзии Николая Алешкова занимает любовная лирика. Разумеется, стихи о любви у современных поэтов встречаются часто, однако они практически никогда не становятся приоритетным направлением их творчества. И Алешков оказывается редким исключением из “цехового” правила.

*Целуй же! Мне твои желанны губы.
Их дикий мёд я только пригубил.
Не мсти за то, что не был однолюбом,
что не тебя сильней других любил.
Рассудит Бог — лишь он меж нами третий.
А в небесах, где Млечный Путь блестит,
одну лишь душу я хотел бы встретить,
которая за всё меня простит.*

У Николая Алешкова любовная тема выходит из собственных берегов и достигает русской природы, дыхания небес, земной тяги и всего круговорота жизни человека. Причём начало этого созерцательного движения дано

в современности — в таком контексте у поэта нет размышлений над историей и её фигурами.

Стихи его отличаются печальной мудростью и мальчишеской безоглядностью, а также завидной простотой, когда из реальных деталей возникает метафизическая дымка любовного чувства. Порой он может изобразить, на первый взгляд, избыточное количество подробностей события, что более свойственно прозе, но почти всегда в его строках есть замечательная недосказанность, “послесвечение” слова. В свою очередь, множество реальных черт происходящего придают достоверность стихотворению, после чего рука поэта сообщает тексту “волшебство” — и он оживает. . .

Алешков обладает способностью передать в строке и черты, доступные глазу, и внутренние, психологические: “Как горестно сжаты и плотно // желанные губы твои. . .”

*Птиц щебетанье в прибрежных кустах
то ли на Каме, а то ли на Волге,
ветра порыв, поцелуй на устах —
долгий.*

Как хороша здесь последняя усечённая строка, протяжное ударение в первом слоге: и форма торжествует, и чувство царит безраздельно!

Не однажды в стихах Николая Алешкова возникает образ журавлей. Обычно в русской поэзии их полёт связан с наступлением осени, когда птицы и родная земля разлучаются и приходят холода. Однако у Алешкова этот образ связан с возвращением на родину: “Мне журавли под осень прокричали, что я по снегу к мамушке вернусь”. Здесь важный, объёмный знак, однако его смысл не выходит за границы житейского распорядка. Тем не менее, подобная “осенняя” дорога в родные края обретает у поэта черты *надмирные*, когда “у бездны на краю // проплывают медленные птицы // к северу, на родину твою”.

У Алешкова тезис “пора подумать о душе” неотделим от телесной жизни, он словно бы спорит с ней и примеривается к границам земного существования. Однако при всех таинственных предчувствиях и предзнаменованиях ощущение полноты жизни от детства до старости сопровождает большинство стихотворений поэта.

Но избежать роковых вопрошаний не удаётся и ему: “Мы тоже уходим, сами не зная — куда”; “Легко ли душе возвращаться, откуда однажды пришла?”

*Когда моя душа простится с телом,
не сразу мне закрой глаза, скорбя.
Я, может быть, ребёнком оробелым
в последний миг почувствую себя.
Я, может быть, увижу, как вдали
душа летит к таинственному лону,
и медленные птицы — журавли —
за нею вслед летят по небосклону.*

Величие и грозное содержание беспредельного бытия, куда малой песчинкой попадает освободившаяся от брэнного тела душа человеческая, читаются здесь в образе оробевшего ребёнка, который чувствует ещё только самого себя — как средоточие индивидуальной жизни, полной эмоций и тревожных ожиданий.

Знание пути не отменяет сам путь. Вот почему в стихах Николая Алешкова существуют на равных правах прозрения о бытийном круге и смятение человека, стоящего перед неизведанным и бесконечным пространством. Он сам определяет собственную судьбу и преодолевает трудные, нехоженые тропы.

*Придёт и Пасха. Молодой звонарь
на колокольне свяжет воедино
небесный купол и земной алтарь,
и благовест услышит вся долина.*

Небесное и земное, церковное, мирское и природное взаимно соприкасаются, а молодая сила связывает телесное с духовным под весенним светом Пасхи, Господней. Вот где таятся единственные ответы на горькие земные вопросы, к которым каждый подбирает свои слова: тихо, не таясь, коротко и просто.